

АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: «МЕНЮ» ДЛЯ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА

© 2016 г. **С.Ю. Шенин***

Статья поступила в редакцию 22.08.2016.

В статье анализируются общие внешнеполитические подходы различных групп интересов в Демократической и Республиканской партиях, а также их взгляды на важнейшие аспекты американо-российских отношений в контексте выборов 2016 г. в США.

Ключевые слова: американо-российские отношения, Демократическая партия, Республиканская партия, неолибералы, прогрессисты, консервативные демократы, «осторожные» реалисты, консервативные реалисты, неоконсерваторы.

Как неоднократно отмечалось, политика США в отношении России в последнее время не очень последовательна. С одной стороны, правительство, например, в лице Госдепартамента, демонстрирует относительное миролюбие – принимает «Минск-2», говорит о сотрудничестве в области ядерного разоружения, стабилизации ситуации на Ближнем Востоке, преодоления миграционного кризиса в Европе и т.д. С другой стороны, из Конгресса и Пентагона звучат требования не допустить возрождения новой «империи зла», предотвратить «российскую экспансию», вернуть в Европу американские войска, активизировать развёртывание ПРО и т.п.

Причина такой непоследовательности – участие в принятии решений нескольких очень влиятельных и конкурирующих между собой групп интересов. Таких групп внутри американского истеблишмента достаточно много (до десятка), но основных, т.е. тех, которые активно влияют на современные российско-американские отношения, можно выделить шесть. В Демократической партии – это неолибералы («гуманитарные интервенционисты»), прогрессисты и консервативные демократы; в Республиканской – это консервативные реалисты-«ястребы», «осторожные» реалисты и неоконсерваторы.

Надо сказать, что указанные группы имеют свои собственные внешнеполитические представления (модели), которые освящены общим двухпартийным консенсусом относительно необходимости сохранения и укрепления пошатнувшегося в последние годы «Пакс американа». Во всех этих моделях Россия

* ШЕНИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012 Саратов, ул. Астраханская, д. 83 (shenins@yahoo.com).

играет важную, хотя и неодинаковую роль. Данная статья посвящена выявлению и сопоставлению этих различий.

Практически с начала 1990-х годов внутри политической элиты США сформировался двухпартийный консенсус и в отношении того, что Россия является (или должна стать) частью Запада. На протяжении более 20 лет между демократами и республиканцами велись вялые дискуссии о методах её интеграции и степени жёсткости контроля за её поведением. Сегодня мы видим, что от этой вялости не осталось и следа – Россия превратилась в ключевой фактор внешнеполитических предвыборных стратегий в США, стремительно переместившись на первые места в «рейтингах страхов» американского электората [23].

Здесь необходимо вспомнить, что администрация Клинтона рассматривала демократическую Россию в качестве «стратегического партнёра», на которого, при правильном подходе, можно было бы возложить ответственность за контроль над всей сферой влияния бывшего СССР. При Дж. Буше-мл. указанный консенсус подкреплялся наличием устойчивого канала «личной дипломатии» и насыщенным диалогом между президентами. Однако под убаюкивающее течение «равноправного диалога» проблемы между двумя странами множились, и в 2007 г. они достигли критического уровня – именно тогда в Мюнхене президент РФ В. Путин потребовал, чтобы Запад согласовывал с Москвой политику на постсоветском пространстве.

Фактически, это означало требование отказа от того «постбиполярного» порядка в Евразийском регионе, который сложился в результате поражения СССР в «холодной войне», последовавшего его распада, и возврата к мироустройству, которое сформировалось после Второй мировой войны. Это требование было повторено в Бухаресте на саммите НАТО, где В. Путин заявил, что попытка принять Грузию или Украину в Североатлантический блок станет «красной линией» для отношений России и Запада. США и их союзники не поверили в серьёзность намерений Кремля, однако в августе 2008 г. в ходе «пятидневной войны» с Грузией Москва подтвердила готовность им следовать, после чего начала модернизацию своих ВС.

На Западе такой поворот вызвал взрыв негативных эмоций, но, тем не менее, демократы допускали, что РФ имела основания беспокоиться за свою безопасность при Дж. Буше-мл.: например, перед нападением на Ирак Москва предупредила, что у С. Хусейна не было ОМУ, однако США вторглись и ввергли страну в хаос. Кроме того, Вашингтон организовал «цветные революции» в Грузии и на Украине, инспирировал расширение НАТО, вышел из Договора по ПРО, отказался отменить поправку Джексона – Вэника и т.д. Всё это не могло не усугубить в России мрачное восприятие американской внешней политики [16; 43, р. 24-25].

Учитывая это, а также для того, чтобы не допустить дальнейшего «выпадения» РФ из процессов глобализации, демократы Б. Обамы запустили, как они говорят, «четвёртую перезагрузку» (первые три были инициированы президентами Дж. Бушем-старшим, Б. Клинтон, Дж. Бушем-мл.). Однако под её шумок была предпринята попытка «болотной революции», после чего Кремль обвинил госсекретаря Х. Клинтон в организации беспорядков. «Перезагрузка»

закончилась. Россия окончательно осознала, что с мюнхенскими требованиями Путина на Западе никто считаться не собирается [43, р. 9-13].

Соответственно, в Москве было принято решение о новом подходе в отношениях с США: надо не реагировать на американские шаги, но действовать инициативно, с опережением в продвижении своих интересов. После чего Вашингтону один за другим пришлось столкнуться с «казусом Сноудена», инициативами Москвы по Сирии (проблемы химического разоружения, терроризма и беженцев), «аннексией Крыма», Донбассом. Особенно решительно Путин заявил о своей позиции в случае с Украиной: в апреле 2014 г., в Ялте, ещё раз прозвучало требование считаться с Москвой при определении судеб постсоветских стран [16].

Появление «мюнхенского ультиматума» и попытки его реализации подвергли двухпартийный консенсус США в отношении места России серьёзному испытанию на прочность. Начиная с 2009 г. многие, преимущественно в лагере республиканцев и особенно после жёстких шагов В. Путина в период его третьего президентства, стали сомневаться в возможности России в принципе быть членом западного сообщества. В США развернулись дискуссии на тему: правомерно ли считать конфликт между РФ и США «новой холодной войной»? Ушли русские из западного лагеря окончательно или это краткосрочное охлаждение, связанное с личностью В. Путина? Способна ли Россия к демократии вообще или авторитаризм её нормальное состояние? Носит ли российская активность имперский характер и подрывает ли она устои послевоенного и постбиполярного мирового порядка? Каким образом можно повлиять на Россию, чтобы исправить её поведение?

Вопросов возникает очень много, и особенно остро они встали накануне президентских выборов в США. Однако в рамках предвыборных дискуссий кандидаты, конечно же, ответить на них не могли – они были вынуждены реагировать только на самые острые запросы электората, которые фиксировали опросы общественного мнения. Тем не менее, политики и аналитики всех направлений, всех групп интересов активно пытались сформулировать точку зрения на место и роль России для внешней политики уже нового президента, который появится в Белом доме 20 января 2017 года.

Как известно, внешняя политика Демократической партии базируется на вильсонском фундаменте, на универсалистской схеме развития мира, которая подразумевает активное распространение американской модели общественных отношений (включая политическую, экономическую и социальную составляющие) на весь мир, что и реализуется сегодня в рамках стратегии глобализации. Главная цель этого процесса – открытие или создание новых сегментов мировых рынков для экспансии американской экономики, что позволит сохранить экономическое превосходство, а значит и «Пакс американа».

Приоритет экономических задач и распространения универсалистских норм требует минимизации насилия и применения методов стимулирующего

* Подробнее см.: Кременюк В.А. По поводу статьи Р. Легволда о «новой холодной войне». // США ❖ Канада: экономика, политика, культура, 2014, № 12, с.95–102.

характера, таких как активное предоставление экономической помощи, укрепление многосторонних институтов, использование мультилатералистских подходов к решению международных проблем, апелляция к правам человека, распространение демократических идеалов и экономических свобод, даже если для этого требуется вмешательство во внутренние дела отдельных стран. Последнее, кстати, перестаёт быть для демократов проблемой, поскольку сам процесс глобализации размывает понятие суверенитета.

С другой стороны, по мнению демократов, в международных отношениях глобализация порождает «новые вызовы»: всемирные экономические кризисы, цивилизационно-культурные конфликты, экстремизм и терроризм, распространение ОМУ, глобальное потепление, ухудшение экологии. Справиться с ними ни одна страна, даже супердержава, не в состоянии – только всё мировое сообщество, которое должно организовываться и направляться лидером, т.е. США.

При том, что вильсонианскую платформу и необходимость глобализации разделяют все демократы, внутри партии существуют разные подходы к реализации этой стратегии. Самая влиятельная группа демократов – это интервенционисты-неолибералы (или демократы-«ястребы»), к которой сегодня можно отнести Б. Обаму, Х. Клинтон, С. Тэлбота, С. Пайфера, М. Макфола и т.д. Её сторонники считают, что для стимулирования процессов глобализации предпочтительно наращивать экономическую помощь слаборазвитым странам, а также использовать регулирование со стороны международных институтов. Однако в случае нежелания соглашаться с правилами либерального порядка, особенно в сфере прав человека, допустимо применение силы, в том числе и с целью «смены режима». Сила при этом может быть как «мягкой» и «умной», так и военной в виде «гуманитарных интервенций», правда, желательно, в формате коалиций [25; 36].

Другая группа – это консервативные демократы, которые, хотя и не очень влиятельны сегодня, однако проявляют ещё большую воинственность, чем неолибералы. К группе можно отнести Дж. Либермана, Дж. Эдвардса, М. Олбрайт, Зб. Бжезинского и т.д. Её члены считают, что в отношении стран, нежелающих включаться в процессы глобализации, принимать либерально-демократические ценности и стандарты, надо активнее использовать такие инструменты давления, как геополитическое окружение, изоляция, санкции, а также одностороннее применение военной силы (очень характерен известный эпизод, когда М. Олбрайт в раздражении спросила К. Пауэрса: «Какой смысл иметь превосходные вооружённые силы, если мы не можем ими пользоваться?» [21, р. 227]).

К третьей группе, которую можно охарактеризовать как прогрессисты-вильсонианцы (или демократы-«голуби»), следует отнести таких политиков и учёных, как Б. Сандерс, В. Кусинич, А. Грейсон, Ф. Хилл и т.д. Эти сторонники доктрины «глобального лидерства» США полагают, что Америка должна полностью отказаться от функций «мирового полицейского», применения силы (которой у США так много, что её надо сокращать), вмешательства во внутренние дела других стран и «смен режимов», а главным инструментом борьбы за глобализацию должна стать сила международных законов. При этом США

должны подавать пример их соблюдения, а кроме того, возглавить борьбу с «новыми угрозами», особенно с изменением климата. Все самые острые международные проблемы, включая терроризм, можно решать, используя такие экономические инструменты, как помощь развитию и доступ к рынкам [12].

Хотя Б. Обама и Б. Клинтон сегодня причисляются к «неолибералам-ястребам», на начальном этапе своего пребывания в Белом доме они оба старались ориентироваться на вильсонIANскую прогрессистскую модель внешней политики. Для этого не было серьёзных препятствий, поскольку Конгресс тоже находился под контролем демократов. В отношении России Клинтон и Обама также начинали приблизительно одинаково радушно – со «стратегического партнёрства» и «перезагрузки». Однако изменение баланса политических сил в Вашингтоне в обоих случаях – в 1996 и 2012 гг. – заставляло президентов заметно сдвигаться вправо.

Исходя из того, что именно чрезмерное внешнеполитическое давление со стороны США в период Дж. Буша-мл. спровоцировало «мюнхенскую реакцию» России, большая часть демократов согласна (если отбросить предвыборную риторику), что особо агрессивных замыслов у Кремля нет, что его высшая цель – это безопасность РФ и сложившейся в этой стране политической системы, а программа модернизации ВС запускалась именно с оборонительными целями. Никакой «империи» типа СССР «прагматик Путин» создавать не собирается и нападать на Запад тем более, ибо соотношение сил не в его пользу – 1:10 (а по многим параметрам и больше). Централизация власти, как и попытки контролировать соседей, также сами по себе большим грехом не являются [16; 35; 24, р. 36-39].

Однако сегодняшняя политика Кремля являет собой другую более серьёзную угрозу для Запада. Пойдя на поводу у националистов, подыгрывая преобладающим в общественном мнении антизападным, антиамериканским, антиглобалистским настроениям, он выводит Россию из процесса глобализации. Это проявляется в стремлении отказаться от постбиполярных порядков в Европе, желании играть по старым правилам Ялты – Потстама, «холодной войны», баланса сил, иметь сферы влияния. Более того, Москва не даёт глубже интегрироваться в западный мир другим странам, в первую очередь Украине, вестернизация которой должна была стать мощнейшим импульсом для вовлечения в глобальные процессы всего постсоветского пространства, включая РФ.

Наконец, Россия не только тормозит глобализацию в Евразии, но, по сути, стала лидером всемирного антиглобалистского движения. Главный вывод, который Кремль извлёк из войны августа 2008 г., заключается в том, что в защите своих интересов ему может существенно помочь раскол в лагере Запада, который можно постараться усугубить по естественной идеологической линии раздела общества на либералов и консерваторов. В результате, Кремль, оказывая поддержку правым националистическим партиям в Европе, по сути, занял место лидера «консервативного интернационала», ибо на нынешнем этапе нет более последовательного защитника традиционных устоев в международных отношениях, чем Москва. Она требует не допустить девальвации вестфальских принципов суверенитета и государствоцентризма. Следуя этим принципам, российское руководство исповедует минимальное участие в много-

сторонних организациях, делает максимальный акцент на двухсторонних отношениях, строит внешнюю политику, исходя из принципов баланса сил и сфер влияния [43, р. 30-31].

Россия и «консервативный интернационал» открыто противостоят «либеральному интернационалу», лидером которого по традиции считаются демократы-либералы США, делающие акцент на глобализации, концентрации власти в руках «мирового правительства», приоритете прав человека над суверенным правом государств, «гуманитарных интервенциях» и т.д.

Хотя такая позиция Москвы сегодня составляет для Запада определённую проблему (как тормоз для формирующегося нового либерального мирового порядка), но и она не критична. Подавляющая часть демократов считает, что, несмотря на своё «неправильное поведение», РФ всё же должна остаться частью Запада, поскольку без неё невозможно будет справиться с более серьёзными вызовами и угрозами, которые несёт с собой новый век и глобализация. В первую очередь, имеется в виду так называемый «экстремистский интернационал», который отрицает как «уходящий» вестфальский, так и «приходящий» вильсонский миропорядок, и стремится к возрождению довестфальского международного устройства – империй на основе традиционных религиозных ценностей и принципов (например, халифата).

Мнение большинства демократов заключается в том, что настоящий конфликт между Западом и Россией – это не «холодная война», ибо здесь нет противостояния идеологий, а есть конкуренция, в рамках которой стороны действуют корректно, учитывая интересы оппонента. Исходя из этого, надо набраться «стратегического терпения» (не исключено, что лет на семьдесят) и продолжить бороться за Россию, искать рычаги, позволяющие сохранить её в орбите Запада, заставить развернуться в сторону либерализации, вестернизации и глобализации [43, р. 13-14].

По вопросу о том, как обеспечить такой разворот РФ, у демократов существуют три подхода.

Признавая определённую краткосрочную эффективность московской тактики, неолиберальная группировка занимает достаточно жёсткую позицию. Её теоретики (С. Тэлбот, Т. Фридман, С. Пайфер) считают, что вестфальские принципы, на которые ориентируется Кремль, себя исчерпали, что глобализацию уже не остановить. Россия цепляется за старое отжившее «киссинджерство», геополитические сферы влияния, поскольку позиции у Москвы в вестфальском мире после Второй мировой войны были очень крепки, и она, естественно, хочет играть по старым правилам. Однако в конечном счёте такая позиция приведёт её (возможно, нескоро) к очередному краху и развалу страны по аналогии с СССР. Москва не способна быть лидером в процессах геоэкономики, но именно геоэкономика определяет лицо современного мира и закладывает основы мирового господства [43, р. 30-31].

Тем не менее, очередной крах России для Запада неприемлем, его надо предотвратить, не допустить катастрофы, к которой, по мнению неолибералов, ведёт политика Кремля. Российский народ не обречён на авторитаризм, полагают лидеры этого направления, у него нормальные «демократические инстинкты», и чтобы они раскрылись, возможно, надо «изменить поведение» ру-

ководства, которое ведёт Россию «не туда», заставить снова развернуться в сторону либерально-демократических реформ.

Чтобы «изменить поведение» Москвы, полагают неоллибералы, нужно совмещать импульсы «поощрения» и «наказания», однако «кнут» всё же должен преобладать над «пряником». Для этого очень удобен контекст событий на Украине (возможно, он и создавался под эти задачи). Так, если РФ не соглашается вести диалог с нынешней властью в Киеве и не желает решать вопрос Донбасса (Крым пока выносится за скобки обсуждения, иначе диалог вообще не состоится), то надо наращивать давление на Кремль, подразумевая, в первую очередь, ужесточение экономических санкций и усиление присутствия войск НАТО. Правда, наращивание сил альянса предполагается достаточно скромное – по одному подразделению США в четырёх приграничных с РФ странах и без тяжёлого вооружения. С одной стороны, такая акция не угрожает и не провоцирует Кремль, но с другой – указывает на готовность защитить союзников [34; 35].

Чтобы не расшатывать ситуацию на Украине и не создавать у Москвы ощущение «жертвы провокации», давление должно быть сбалансированным, т.е. Киев надо подталкивать к де-эскалации на Донбассе, разоружению «Правого сектора», политической децентрализации, решению проблемы русского языка. Украина должна быть готова к принятию внеблокового статуса и участию в трёхсторонних переговорах с ЕС и РФ по торговле [34].

Наращивание давления в форме санкций (персональных, семейных, секторальных) призвано ослабить российскую экономику, снизить уровень жизни населения, вызвать «реальную боль» у российского общества, которое, в свою очередь, должно потребовать у кремлевского руководства вновь повернуться к Западу, чтобы восстановить высокие стандарты потребления. При этом представители демократов ссылаются и надеются на некий, как они полагают, «общественный договор» между Кремлём и народом, который якобы дистанцируется от политики только пока повышается уровень жизни [33; 34; 35].

Лидеры неоллибералов продолжают настаивать на необходимости вмешательства в общественные процессы в России. По их мнению, США должны содействовать сохранению и развитию потенциала «гражданского общества», способного в конечном счёте откликнуться на либеральные импульсы извне [43, р.14], осуществить либерально-демократические реформы, превратить свою страну в «нормальную и современную», чтобы «присоединиться к остальному миру». Это не значит, считает С. Тэлбот, что «мы должны обращаться с ними как с пятой колонной.., но быть открытыми для диалога с ними, поддерживать их где возможно и надеяться, что со временем банкротство путинской политики станет очевидным его собственному народу» [13].

В этой связи подчёркивается, что наращивать давление и «реальную боль» надо постепенно, чтобы не перейти грань, за которой у российского общества возникнет стойкое отвращение к Западу, его целям и ценностям. Однако не стоит впадать и в противоположную крайность – сейчас администрация слишком осторожничают, санкции очень слабые, поскольку якобы в России и так рецессия, а кроме того, она опасается ответных мер Кремля в отношении американского бизнеса и негативной реакции ЕС.

Что касается «пряника», то его надо предложить Москве в форме сотрудничества. Неолибералы подчёркивают, что санкции должны осуществляться только по «селективным» направлениям так, чтобы не навредить тем сферам, где тесное взаимодействие с РФ ещё необходимо для достижения национальных интересов США. В первую очередь, это касается проблем, связанных с ОСВ, ПРО, Ираном, Афганистаном, Сирией, Арктикой и т.д. – там сотрудничество надо продолжать. Особенно одобряются совместные действия в Сирии против исламских террористов [24, р. 76, 32].

Таким образом, представления неолиберальной группировки о будущих российско-американских отношениях связаны с необходимостью заставить Кремль вернуться в лоно глобализационного процесса и к либерально-демократическим реформам через санкционное и военно-политическое давление, но с сохранением нужных США направлений сотрудничества, используемых к тому же в качестве «поощрения».

Прогрессисты-«голуби» в целом разделяют обеспокоенность в связи с консервативным разворотом Москвы, в том числе «агрессией» в отношении Крыма и Украины. Их лидер, Б. Сандерс в рамках предвыборной кампании говорил о необходимости укреплять НАТО и использовать санкции против России. В то же время он указывал, что администрация преувеличивает угрозу национальной безопасности со стороны России, что её наказание уже состоялось, экономика пострадала достаточно, Кремль сожалеет о содеянном, и очень скоро можно ожидать (особенно, если помочь ему «сохранить лицо»), что под давлением общественного мнения он сам вернётся в русло нормальных отношений с США [4].

Соглашаясь с необходимостью разработки программы возвращения России в русло глобализации, прогрессисты полагают, что коллеги-неолибералы недооценивают культурный контекст. Поэтому они возражают против акцентирования на давлении, на «кнуते», чтобы «изменить поведение» Кремля, особенно в свете украинских событий.

Так, они указывают, что сторонники жёстких мер исходят из западного понимания стандартов поведения населения в условиях внешнего давления, «реальной боли». Россия – это достаточно современное общество, где работают демократические механизмы, хотя и не совсем по-западному (Ф. Хилл считает, например, что это похоже на новгородскую «прямую демократию» [18, р. 32]). Кремлёвскому руководству совсем безразличны рейтинги и проценты поддержки населения. Однако Россия – это отличная от западной цивилизационная модель, у неё иные ценности, иные взгляды на внешнюю политику (например, россияне не боятся ядерной программы Ирана), другой «болевого порог». В отличие от западного населения, россияне консолидируются вокруг лидера в ответ на «боль» в экономике, у которой очень высокая выживаемость («проста, как автомат Калашникова»). Этот «культурный код» изменить невозможно. Поэтому серьёзно влиять на внутреннюю политику России не получится, даже если Запад будет использовать ещё более жёсткие экономические санкции.

Что касается стремления подорвать власть президента В. Путина, то и здесь Запад демонстрирует неправильный подход. Власть в России – это «тан-

го для двоих», Путин не навязывается со своей личностью и своей властью, люди сами хотят иметь такую власть и такого руководителя. Централизованная власть – в крови у русских, недаром 25% населения до сих пор поддерживают сталинские методы управления страной [22; 43, р. 24-31].

Путин – «русский и делает всё по-русски», он «замечательный современный деспот», постоянно меняющийся, гибко реагирующий на запросы общества. Загоняя Россию в угол санкциями, можно усилить Путина и ослабить в РФ либеральное движение, перечеркнув все перспективы. И если инициаторы санкций ждут, что они ослабят Путина, то это не так, – его отставки они вряд ли дождутся до 2024 г. В качестве авторитетного подтверждения этой точки зрения прогрессисты привлекли мнение Дж. Кеннана, который уже в конце своей жизни требовал от президента Б. Клинтона «не обращаться с русскими как с проигравшими» [24, р.18].

Если рассматривать конфликт на Украине, то и здесь, утверждают прогрессисты, надо попытаться найти компромисс. Очевидно, что у Москвы и Вашингтона есть общий знаменатель – не допустить превращения Украины в «несостоявшееся государство» (*failed state*), ибо она интересна обеим сторонам только как процветающая страна. Запад должен признать, что тянуть её в своё сообщество бессмысленно. Демократия в этой стране нереалистична – ни деньги, ни оружие в этом не помогут. Нужны поколения, чтобы изменить ситуацию. Но самым серьёзным фактором можно считать то, что Украина находится в сфере интересов Москвы, и проигнорировать его невозможно. Эта страна может быть независимой только абстрактно, а в конкретной геополитической ситуации она может существовать только в связке с Россией. Запад не должен поощрять беспочвенные мечты. Соответственно, необходимо создавать условия для того, чтобы Киев и Москва (без западных посредников) имели возможность найти компромисс по вопросу сосуществования [24, р. 24-26].

Прогрессисты настаивают, что во взаимоотношениях с Москвой давление неэффективно, и найти способы влияния можно только в рамках сотрудничества. Хорошо бы, конечно, сотрудничать в экономике, но российско-американское соглашение о торговле и инвестициях, которое давно обсуждается, тормозится в Конгрессе. Хорошо бы продолжить сотрудничество по линии СНВ, но русские не будут дальше резать свои ядерные вооружения в условиях форсирования Америкой строительства ПРО. Поэтому остаётся сотрудничество только на таких внешнеполитических направлениях, как Сирия, Иран, Афганистан, Арктика и т.д. Кроме того, весьма интересные перспективы связаны со строящимся Россией Евразийским экономическим союзом, который в ближайшем будущем может стать элементом новой глобальной экономической архитектуры, идущей на смену ВТО [16; 22; 43, р. 35-36].

Отличную от неолиберальной позицию занимают и **консервативные демократы**. Они полагают, что в отношениях Запада с Россией должна преобладать не примитивная дилемма «кнул–пряник», но системный подход, который в итоге обеспечит реинтеграцию России в глобальные процессы. Ещё в 1994 г. эту точку зрения сформулировал их теоретик, Зб. Бжезинский, который отстаивает её до сих пор [7, р. 67-83].

Анализируя состояние российско-американских отношений, он утверждает, что на современном этапе конфликт двух стран уже имеет многие черты «холодной войны», и поскольку Россия демонстрирует явно «имперскую внешнюю политику», то сейчас её бессмысленно пытаться «интегрировать» – её пока можно только «сдерживать» [6], правда, не военными методами, как раньше, а геополитическими и экономическими. Независимо от того, будет она демократической или нет, Москву надо заставить проводить добрососедскую, а не имперскую внешнюю политику. Для этого надо укрепить «геополитический плюрализм» в регионе и сформировать новый «пояс сдерживания» вокруг России из бывших советских республик. Предполагалось, что ключевыми странами нового «пояса сдерживания» станут Украина и Грузия.

Получив поддержку Запада и проведя у себя радикальные либерально-демократические реформы, эти страны должны своим примером подталкивать Россию к возвращению на путь вестернизации, ибо «внешнее давление заставляет искать внутренние альтернативы». «Консолидация геополитического плюрализма будет подавлять соблазн восстановления империи с разрушительными последствиями для демократии в России. Если же Россия не будет империей, у неё появится шанс стать, как Франция, Британия или постоттоманская Турция, нормальным государством» [7, р. 81].

Сегодня консервативные демократы считают, что поскольку «имперская матрица» заставляет Москву проводить агрессивные действия против соседей, нужно продолжить реализацию доктрины «геополитического плюрализма». Именно успешное выстраивание «пояса сдерживания» заставило Москву ударить по тем странам (Грузия в 2008 г. и Украина в 2014 г.), которые имели все шансы стать «витриной» глобализации в Евразии. Особенно, по мнению Бжезинского, это касается Украины, которой предрекалась судьба «новой Польши». Однако сейчас из-за военного и экономического давления Кремля этой стране грозит коллапс, прежде всего экономический, поэтому её нужно спасать как важнейший элемент стратегии «нового сдерживания». Для этого необходимо убедить Москву отказаться от её «дезорганизирующего» давления, а в ответ – снять раздражающие её факторы, т.е. обеспечить внеблоковый статус Киева, а также «финляндизировать» украинскую внешнюю политику [18; 8].

Чтобы исключить дальнейшее вмешательство Москвы во внутренние дела Украины, необходимо дать Киеву летальное оборонительное оружие и продлевать экономические санкции против России. Если же Кремль будет продолжать политику дезорганизации экономики Украины, то эти санкции надо усиливать. Кроме того, Запад не должен допустить попыток повторения крымского сценария на прибалтийском направлении, для чего расположить там символическое количество войск НАТО, что позволит не провоцировать русских, но будет символизировать неизбежность вмешательства Запада в случае агрессии [6].

В то же время, консервативные демократы считают, что в Сирии с Россией надо сотрудничать. Более того, можно не торопить Москву с отставкой Б. Асада, ибо «время колониального господства на Ближнем Востоке уже прошло» – там нужна стабильность, обеспечиваемая коллективными усилиями, а у рус-

ских в регионе большие ставки, они имеют право решать антитеррористические задачи, с ними можно и нужно искать общий язык [18].

Таким образом, консервативные демократы делают ставку на либерально-демократическую трансформацию внешнего окружения России. В результате «демонстрационный эффект» и созданная атмосфера постоянного идеологического давления соседей вынудят Москву двигаться в этом же направлении.

В целом же, общим для всех групп демократов представляется то, что они пытаются остановить разворот России в сторону вестфальского консерватизма и вернуть её на рельсы либерально-демократических реформ. Хотя методы при этом предлагаются разные – экономические санкции, военно-политическое давление, «геополитический плюрализм», поиск общих интересов, активизация двухстороннего сотрудничества – цель у них одна: вновь включить Москву в процесс глобализации.

При этом у демократов есть общее осознание сложности задачи, поскольку безусловный приоритет для России – безопасность, а экономика остаётся на втором месте, и здесь компромиссов Запад не дожждётся, за экономические «пряники» он не получит ослабления безопасности РФ (по крайней мере при нынешней российской правящей элите). С другой стороны, они согласны, что если условия для сближения Москвы и Вашингтона сформируются, то оно должно осуществляться только на основе западных принципов. Именно противоречие между двумя этими базовыми посылами вызывают у большинства демократов пессимизм и призывы к «стратегическому терпению».

В Республиканской партии, как отмечалось, также можно выделить три группы, имеющие более или менее артикулированные внешнеполитические модели и сформулированное представление о политике США на российском направлении.

Наиболее близки к демократам по основным ориентирам своей внешнеполитической идеологии **«осторожные» реалисты**, которые отождествляют национальные интересы с конкретными экономическими выгодами, связанными с созданием условий для расширения возможностей ведения крупного бизнеса – доступностью ресурсов, инфраструктуры, лояльностью местных властей и т.д. В целом реалисты согласны с демократами в том, что глобализация – это стратегическая цель США. Вашингтон должен руководить этим процессом, при необходимости корректируя его (что, например, связано с проектами Трансатлантического партнёрства по торговле и инвестициям – ТПТИ и Транстихоокеанского партнёрства – ТТП). Наиболее заметные фигуры в данной группировке – Р. Пол, Дж. Амаш, Ч. Хейгел, Б. Скоукрофт, К. Пауэлл, Р. Гейтс.

Кроме того, реалисты согласны с демократами, что от решения традиционных геополитических проблем XX века надо переходить к решению «новых вызовов» века XXI, поскольку в условиях глобального кризиса все они только обостряются, возрастает фрагментация системы международных отношений, возникает угроза распада мировой экономики на отдельные блоки. США имеют мощнейшую в мире армию, однако вооружённые силы, как показали примеры Афганистана, Ирака и Ливии, не в состоянии справиться с «новыми вызовами» – в этом «осторожные» реалисты солидарны с прогрессистами.

Тем не менее реалисты не согласны с демократами по существу глобализации. Они поддерживают только её экономическую составляющую, отрицая политическую и культурную и считая, что делать ставку на распространение либерально-демократической идеологии как глобального явления нельзя. Сегодня глобализация не тождественна вестернизации, поскольку её, фактически, уже продвигает Восток, который опирается на другие ценности, часто враждебные либеральной демократии. Кроме того, эти страны недовольны Западом и США из-за того, что «уже не гегемон» Америка цинично продолжает пользоваться своими привилегиями в международных институтах, полученными 70 лет назад в результате Второй мировой войны [19, р. 2].

Реалисты признают, что баланс сил в системе международных отношений меняется в пользу Азии: нет ни очевидного американского лидерства (на чём настаивают либералы), ни, тем более, доминирования (о чём твердят консерваторы). Сила США «распыляется», и Вашингтон должен согласиться с переходом от статуса «гегемона» к статусу «первого среди равных». Это означает поддержку сложившихся постбиполярных порядков, в рамках которых должны господствовать принципы прозрачности экономик для торговли, капиталов, людей и идей, а в политике – суверенитета, неприкосновенности границ, неприменения силы. Таким образом, экономическую глобализацию реалисты предлагают совмещать с политической «вестфалией».

Образно говоря, США должны следить за сохранением дееспособности архитектуры международных отношений, выполнять функции своеобразного «сисадмина», вносящего коррективы только в случае нарушения работоспособности всей системы, но ни в коем случае не вмешивающегося во внутренние дела её отдельных элементов, не заставляющего реформироваться, демократизироваться или либерализоваться, чтобы интегрировать страны в глобальные процессы (как это делают демократы). Надо научиться взаимодействовать со всеми «шестерёнками» глобального механизма, которые адекватно функционируют с точки зрения обеспечения «реальных» национальных интересов США.

Сегодня главные проблемы международных отношений – это дефицит глобального управления, координации усилий по противостоянию «новым вызовам», а также недовольство новых держав старыми привилегиями Запада. Поэтому, реалисты согласны, что для поддержания глобальной стабильности надо, во-первых, перераспределить власть и ответственность в международных институтах (например, в МВФ), а во-вторых, для формирования ответа на «новые вызовы» необходимо создать на базе *G-20* (СБ ООН уже не годится) «глобальный концерт» типа венского (имеется в виду Венский конгресс 1814–1815 гг., создавший «концерт наций» и обеспечивший мир в Европе на 100 лет. – *С. III*), в рамках которого можно было бы координировать вопросы безопасности и экономики [19, р. 18].

Беспокойство «сисадмина» должны вызывать региональные процессы. Американский сырьевой и энергетический бизнес работает в регионах, где, с одной стороны, необходимо сохранять стабильность, а с другой – избегать применения военной силы, поскольку после этого условия для ведения бизнеса резко ухудшаются. Соответственно, «концерт», помимо перераспреде-

ния влияния в международных институтах, должен сфокусироваться на развязывании региональных узлов с помощью *ad hoc* групп (таких как «5+1» по Ирану, северокорейская «шестёрка», альянс по борьбе с пиратством и т.д.) [19, p. 90].

Особую озабоченность реалистов (как и неолибералов) вызывает активизация сил, которые противостоят экономической глобализации, порядкам и правилам системы международных отношений. В первую очередь, это «поднимающий голову уродливый национализм», например, правых партий в Европе или стран-«ревизионистов», каковыми, по их мнению, можно считать Россию и Китай. Их деструктивная активность, полагают реалисты, может привести не только к распаду мировой экономики на блоки, но, что ещё хуже, к восстановлению двуполосности и возрождению «холодной войны», например, РФ и Китай против США и ЕС [19, p. 17].

Что касается России, то, признают реалисты, её роль в формирующемся «концерте» глобального управления велика. Очень многое зависит от того, будет она «за» или «против» существующей системы. Без РФ невозможно решить проблемы Ближнего Востока вообще и Сирии с ИГИЛ в частности, без неё нельзя развязать узлы ОСВ, ядерной программы Ирана и терроризма в Афганистане, а также угроз в Центральной Азии. Дальнейшее сближение Москвы с Пекином, как отмечалось, может привести к резкому изменению баланса сил.

Однако, при всём этом Россия недовольна своим местом в «концерте» [31; 28], она вышла из-под контроля «сисадмина», подняла «восстание против системы», организовав агрессию на Украине. Причиной восстания стало желание пересмотреть порядки в постбиполярной системе международных отношений, в рамках которой Москва не может контролировать республики бывшего СССР (эта функция после поражения в «холодной войне» перешла к «сисадмину»), что рассматривается Москвой как угроза национальной безопасности (например, в случае вступления бывших сателлитов в ЕС или НАТО).

Опасность российского «ревизионизма» заключается в том, что на этот путь могут вступить и другие игроки системы, например, Китай, а бунт уже двух крупных «шестерёнок» может привести к слому глобального механизма. Поэтому нужен срочный ремонт.

В отличие от демократов, реалисты не обвиняют Москву в «авторитаризме и неоимпериализме», ибо, по их мнению, на работу в рамках системы внутренние параметры отдельной «шестерёнки» влияют слабо. Работающую не по правилам, но очень важную деталь системы (в данном случае это РФ) надо просто «смазать» и вернуть на место, не разрушая и не изменяя её внутренних параметров, т.е. надо добиться возвращения региональной стабильности с минимальными трансформациями, что позволит сохранить здесь неизменными условия для работы западного бизнеса.

На данном этапе вмешательства требует только «украинская авантюра Москвы». Здесь у реалистов наблюдается два подхода – мягкий и жёсткий.

«Мягкие» реалисты считают, что «восстание» России в форме вторжения на Украину в какой-то степени оправдано и объяснимо «мюнхенскими страхами» Кремля. Очевидно, что РФ ещё достаточно слаба, она очень болезненно

переносит санкции Запада и финансовое давление (особенно снижение цен на нефть), поэтому дестабилизировать её не так уж и трудно, но это не должно быть целью США [26; 29].

На данном этапе важно найти компромисс на основе диалога с Москвой. РФ должна признать, что нарушает международные законы, общие постбиполярные правила игры, суверенитет и целостность Украины. США, в свою очередь, должны понять насколько важна Украина для РФ с точки зрения истории, культуры, экономики, геополитики. С учётом этого, надо найти баланс интересов обеих сторон, например, США должны обеспечить нейтральный внеблоковый статус Украины и не вооружать её, а России нужно стремиться не допустить «заморозки» конфликта и позволить торговать Украине как с Европой, так и с РФ.

Если так договориться не получится, то, всё равно, нельзя стремиться к экономическому коллапсу РФ через «закручивание гаек» и тем более «холодную войну» (тогда доступ к евразийским ресурсам будет надолго потерян). Надо аккуратно поддерживать санкции, ибо Россия не сможет бесконечно терпеть экономическую «боль», а также сдерживать военное наступление РФ на Украине (в крайнем случае, поставляя Киеву оборонительное оружие). С другой стороны, надо давить и на саму Украину как по вопросу внутренних реформ, так и по выполнению условий соглашения «Минск-2», и ни в коем случае не посылать ей сигнал о возможном военном вмешательстве Запада [26; 27].

В случае реализации такой политики, считают «мягкие» реалисты, Кремль сам всё должен понять, отказаться от своих планов и вернуться к постбиполярному порядку. Именно важность РФ для Америки заставила Обаму, несмотря на колоссальное давление, не вмешиваться в крымские события, а затем отказаться от спекуляций на этой теме [27]. По той же причине Вашингтон проявляет сдержанность в поставках Киеву оружия, хотя давление со стороны консерваторов постоянно растёт.

«Жёсткие» реалисты расходятся с «мягкими» только по вопросу методов «укрощения» Москвы. Они считают, что поскольку текущая политика Кремля представляет угрозу национальным интересам США, не стоит ждать пока российское руководство созреет и осознает свои ошибки, а нужно действовать решительнее. С ним нет смысла долго нянчиться. «Мягкие» реалисты, настаивая на уступках и компромиссах с Москвой, явно переоценивают её силу, которая якобы базируется на колоссальной внутренней поддержке Кремля, а значит способности консолидировать ресурсы РФ [15; 45].

Кроме этой переоценки, надо учитывать и увязание Москвы в «болоте украинского конфликта», где не видно быстрого и дешёвого для неё положительного решения. Наконец, «жёсткие» реалисты указывают и на такой фундаментальный внешнеполитический провал Кремля, как ЕАЭС. По их мнению, эта структура, носящая явно искусственный характер, способствует изоляции России от остального мира, ухудшает отношения с ближайшими соседями и бессмысленно съедает миллиарды долларов ежегодно [3].

Таким образом, по мнению «жёстких реалистов», позиции российского руководства очень слабы на всех фронтах. Однако администрация делает вид,

что не видит того, что Москва «прижата к канатам», что у неё не осталось путей для отступления, а дальше – только капитуляция. С РФ постоянно ведутся двухсторонние переговоры, и это играет на руку Кремлю, укрепляет его позиции. Он надеется на отмену санкций, и, например, Дж. Керри в Давосе такую возможность, фактически, подтвердил [17; 20].

«Жёсткие» реалисты требуют усиливать давление на выявленные слабые места Москвы – расширять экономические санкции, не покупать ракетные двигатели, сделать жизнь русских невыносимой, вооружить для сдерживания не только Украину, но и Грузию с Молдавией, укрепить НАТО, активизировать антироссийскую пропаганду. Объединить всех и вся против РФ, и таким образом поставить перед Кремлем «ценник», который покажет всю бесперспективность и опасность его политики. Если он проигнорирует «ценник», то Украина и Запад должны терпеливо ждать неизбежного ослабления Москвы и, как следствие, отказа от планов ревизии правил системы международных отношений. После чего окрепшая Украина просто отнимет свои территории у ослабшего врага [15].

Таким образом, только решительное противодействие планам Москвы может снять угрозы американским национальным интересам. Если российский президент сам всё поймет, то его режим может остаться в Кремле. Соответственно, добиваться либеральных реформ в России не нужно – они только снижают управляемость. Начинать «холодную войну» с Москвой тем более не следует, поскольку для международных отношений сотрудничество с РФ по приоритетным направлениям остаётся очень важным.

Консервативные реалисты (или просто консерваторы), в отличие от своих «осторожных» коллег, отрицают объединяющий импульс глобализации (они даже не используют это слово) – ни её экономическую, ни политико-культурную составляющие, а также не признают её «новые вызовы». Их лидеры (Дж. Макейн, Л. Грэм, Д. Чейни, Д. Рамсфельд и т.д.) ратуют за сохранение «Пакс американа» традиционными геополитическими методами баланса сил, в рамках которого лагерь США должен формироваться на основе ценностей и идеалов «свободного мира», и отрицают многосторонние институты в пользу унилатерализма.

В представлениях консерваторов мир являет собой чёрно-белую картину, где все страны и политические силы должны определиться – либо они «за» идеалы свободы, либо «против» – от полутонов надо освободиться, поскольку они мешают концентрировать энергию на главной задаче – любой ценой сохранить все порядки, в первую очередь, постбиполярные, которые обеспечивают превосходство США. Однако при этом консервативные реалисты, одобряя все виды внешнего давления на любых конкурентов, декларируют принцип (и стараются его придерживаться) невмешательства в их внутренние дела с целью изменения порядков [42].

Различие в принципах определяет и содержание претензий консерваторов к администрации Обамы. Так, они утверждают, что политика «вовлечения» (в глобализацию) означает, по сути, умиротворение, исполнение претензий как деспотических режимов и международных институтов, так и дружественных стран. Подход не работает: с момента прихода Обамы в Белый дом такие

страны, как Иран, Россия, Китай, Северная Корея, Венесуэла, стали ещё агрессивнее. Военная сила США (в форме расходов на оборону) снижается, и это означает утрату способности защищать свои национальные интересы. Американская экономическая мощь падает, поскольку свобода предпринимательства в США уменьшается, а государственное вмешательство в экономику растёт самыми быстрыми темпами среди 20 крупнейших экономик мира. Америка стремительно утрачивает национальный суверенитет, жертвуя его в пользу международных регуляторов. Её союзниками становятся страны, не имеющие ничего общего с настоящей демократией [42; 40; 14].

Российская политика США, по мнению консерваторов, должна вытекать из общей стратегии, работать на глобальные цели Вашингтона и базироваться на западных ценностях. Здесь проблема в том, что после окончания «холодной войны» у США не было комплексной последовательной политики в отношении России, т.е. такой, которая бы чётко формулировала цель и концентрировала на ней все необходимые ресурсы. Российское направление американской внешней политики отличается постоянной сменой курса, нестабильностью, что и привело к сегодняшним проблемам в отношениях с Москвой. Обама уже ничего не успеет исправить, поэтому надежда только на нового президента, который такую всеобъемлющую российскую политику должен разработать и реализовать [44; 10].

Консерваторы утверждают, что России долгое время удавалось делать вид, будто она строит демократию. Поэтому все предыдущие американские президенты решали в отношениях с Москвой отдельные проблемы, однако это было неправильно – все проблемы взаимозависимы и завязаны на природу кремлевского авторитарного режима. Соответственно, решать их все надо как единый комплекс и, практически, синхронно.

С 1991 г. американская политика исходила из того, что Россия идёт по пути демократизации и интеграции в международное сообщество, что ей надо помогать и уступать, даже оправдывая её агрессивные поступки (в отношении Грузии, например) американскими ошибками. Это привело к тому, что в России сформировался «авторитарный клептократический режим», который повёл «агрессивную имперскую» внешнюю политику и объявил США своим противником.

К этой ситуации консерваторы рекомендуют отнестись серьёзно, поскольку Россия обладает рядом характеристик, которые не позволяют игнорировать её вызывающее поведение, – это её размеры, центральное геополитическое местоположение и слабые соседи, энергетические ресурсы, ядерный потенциал, в значительной мере модернизированные вооружённые силы, агрессивность. Опасаться надо и выбранных ею тактических приёмов – атаки против американских союзников, стремление подыграть враждебным США силам, нацеленность на раскол ЕС и НАТО, угрозы сблизиться с Китаем и т.д.

Для консерваторов, тем не менее, эти факторы не означают, что надо объявлять новую «холодную войну». Ничего страшного для Америки во враждебности Москвы нет, поскольку Россия – это «колосс на глиняных ногах». Разрабатывая политику противодействия её атакам, США должны учитывать слабые стороны «правящего режима» в РФ, которые заключаются в том, что у

него нет целостной идеологии, современной диверсифицированной экономики, и он держится на имитации силы, а не на самой силе. Россия – это государство, которое намного слабее СССР, и оно не может претендовать не только на «холодную войну», но и на то, чтобы занимать центральное место в американской внешней политике, которая ориентирована на долгосрочные стратегические цели, а «авторитарный российский режим» явно носит краткосрочный характер и задачи у него только краткосрочные [9; 46].

Исходя именно из этих посылок, консерваторы предлагают формировать комплексную российскую стратегию США. Вашингтон не должен поддаваться на провокации Москвы, ему следует играть в свою «долгосрочную игру», добиваться своих стратегических целей, минимизировав при этом отвлечение на мелкие укусы РФ и ждать, не вмешиваясь во внутренние дела, пока режим сам не рухнет, подталкивая его к этому только через разоблачение слабых мест, а также защищая союзников и общечеловеческие ценности.

Консерваторы не согласны с тем, что в отношениях с Россией надо вернуться к политике «сдерживания», ибо это был базовый принцип всего периода «холодной войны», на котором держались самые разнообразные «политические подходы» США в отношении СССР (не всегда, кстати, успешные, о чём свидетельствует пример Кубы). Кроме того, этот принцип не формировал иерархию приоритетов Запада и не учитывал возможные ответные шаги Москвы.

Вместо «сдерживания» консервативные аналитики предлагают использовать в отношении Москвы методику «ограничения» («*constraintment*»), которая строится на учёте гигантского идеологического, военного и экономического превосходства США. Смысл методики заключается в том, что режим в Москве должен точно знать, чего ему будет стоить каждый его шаг, и чем враждебнее – тем дороже. В то же время, сотрудничество должно поощряться наградой. Таким образом, российское руководство будет иметь перед глазами «прейскурант ценников»-флажков, которые вынудят Москву направлять свою внешнюю политику в нужное для США русло.

Ценностным каркасом данного подхода должен стать принцип «защиты свободы», а его целью – постепенное разложение режима под внешним давлением, поскольку даже если нынешнего президента РФ заменить, режим, скорее всего, сохранит свои базовые параметры. Решение «селективных» проблем, как это делает администрация Обамы, не позволит добиться этой цели. Как отмечалось, подход должен быть комплексным, всеобъемлющим, решающим все проблемы одновременно. Украина и Ближний Восток с Сирией – это только два из многих проявлений враждебности Москвы [32]. И решаться они должны в общем контексте.

Этот «всеобъемлющий комплексный» контекст или план, по мнению консерваторов, должен состоять из нескольких направлений [44; 41]. Во-первых, направление, связанное с разрушением нынешнего кремлёвского режима. Оно потребует от правительства США предельно откровенно доносить до русского народа все злоупотребления властей и наказывать виноватых (например, через «список Магнитского»), а кроме того, ослаблять экономику через секторальные санкции и использовать ВТО для борьбы с российскими контрсанк-

циями. Кроме того, важно будет исключить РФ из системы *SWIFT*, поддерживать строительство трубопроводов вокруг России и ликвидировать законодательные ограничения на экспорт американской нефти и газа.

Во-вторых, это направление глобальной безопасности, которое включает программу США по модернизации своего ядерного оружия, выход из соглашения по СНВ, активизацию создания ПРО в Европе, усиление кибербезопасности, модернизацию космической промышленности, сворачивание оставшихся американо-российских двусторонних программ, сокращение влияния РФ в международных организациях и т.п.

В-третьих, это защита друзей и союзников от российской агрессии через укрепление НАТО (особенно её балтийского и восточноевропейского флангов), размещение элементов ПРО, активизацию борьбы с влиянием Москвы на Балканах (Греция и Кипр). Особо указывается на необходимость максимально поддержать военные возможности союзников, в первую очередь, Украины [11] и Грузии, предоставив им вооружение оборонительного типа, включая противотанковые и противовоздушные комплексы, а также способствовать проведению реформ, направленных на укрепление государственности и повышение экономической эффективности, включая открытие для них американского рынка. Особое внимание предлагается уделить укреплению институциональных связей этих стран с НАТО. Однако, если они не улучшат свои возможности защищаться, то в долгосрочной перспективе США вряд ли смогут сдерживать «российскую агрессию».

В-четвёртых, это противодействие экспансии Москвы в отдельных регионах. Консерваторы предлагают использовать все возможности, чтобы максимально снизить влияние России на Ближнем Востоке через изоляцию её союзников – Асада в Сирии и Хаменеи в Иране. В Афганистане сотрудничество можно строить только на основе взаимного интереса, не делая никаких уступок для стимулирования такого сотрудничества (закрытие Москвой транспортного коридора для снабжения войск США и НАТО говорит о невозможности доверять ей). Укрепление сотрудничества РФ и Китая – главная угроза интересам США в Евразии, поэтому нужно выявлять и использовать противоречия между Москвой и Пекином. Чтобы противостоять амбициям РФ в Арктике, необходимо разработать «арктическую стратегию» НАТО, где главную роль должна играть Канада, у которой здесь самые крепкие позиции.

Таким образом, комплексная антироссийская стратегия, предлагаемая консерваторами, нацелена на уничтожение существующей политической системы в РФ. Для достижения цели предлагается использовать в основном внешнеполитическое давление по всем возможным направлениям, не допуская при этом отхода от ценностных ориентиров, заигрывания и разменов на краткосрочные выгоды от сделок с Кремлём, как это делала администрация Дж. Буша-мл. и делают демократы Б. Обамы.

Неоконсерваторы – это сравнительно молодая политическая группировка, которая идейно вышла из лона консерватизма и очень близка влиятельным в США право-христианским республиканцам. Последние, не имея своей внешнеполитической стратегии, заимствуют фактически неоконсервативную программу.

Хотя пик своего политического влияния неоконсерваторы (Дж. Болтон, Р. Перл, П. Вулфовиц) пережили в начальный период администрации Дж. Буша-мл., когда на волне «войны с террором» они смогли реализовать многие задумки, в настоящий момент эта группа – по-прежнему самая активная внешнеполитическая фракция в Республиканской партии. Финансово-экономические «корни» неоконсерваторов находятся в ВПК, а политически они традиционно близки Пентагону и еврейскому лобби.

Сегодня, даже в неформализованном виде, их влияние очень велико: у них целая сеть «мозговых центров», правительственных агентств и СМИ. Во время президентской кампании 2015–2016 гг. они присутствовали в виде советников не только у многих республиканских кандидатов, например, Мита Ромни и Джеба Буша, их влияние ощущалось во всей внешней политике Обамы (особенно после ухода Х. Клинтон), в первую очередь, на украинско-российском и ближневосточном направлениях, где политика администрации во многом совпадает с рекомендациями неоконсерваторов [1]. Сегодня среди наиболее заметных сторонников этой группы можно назвать Ч. Краутхамера, Р. Кагана, М. Бута, Дж. Болтона, Р. Шейнемана и т.д.

Главная цель внешнеполитической программы неоконсерваторов – сохранение «Пакса американа», т.е. та же идея, что и у других групп интересов. Однако основной акцент они делают на сохранении моноцентричного мира при поддержании «глобального унитаризма» как базового принципа американской внешней политики.

Как и консерваторы, истоки своей идеологии они видят во внешней политике Рейгана, который бескомпромиссно и последовательно боролся с «империей зла», не размениваясь на мелкие краткосрочные выгоды. Поэтому основой американского могущества, по мнению неоконсерваторов, можно считать неукоснительное следование принципам «свободы и демократии», а распространение по всему миру этих принципов суть важнейшая задача внешней политики США. Они полагают, что только идеологически близкие страны с либерально-демократическим устройством могут быть единомышленниками и союзниками, а государства, не исповедующие эти принципы, представляют собой «зло» не только в геополитическом, но и в религиозном смысле, они понимают только язык силы, и с ними надо беспощадно бороться.

Главный фактор, который определяет структуру и развитие международных отношений – военная сила и (!!) готовность её использовать, причём, даже превентивно. Однако, учитывая, что значительная часть мира находится в зоне «тьмы» и «зла», в отличие от консерваторов, неоконсерваторы отрицают подходы, основанные на достижении баланса сил, считая, что только абсолютное военное доминирование обеспечит реализацию главной цели – сохранение «Пакса американа». Конечно, они согласны с тем, что «умная» и «мягкая» силы также являются эффективными инструментами, однако они могут играть только вспомогательную роль, ибо без абсолютного военного превосходства над «злом» за счёт дипломатии и экономической помощи добиться можно немногого. В конечном счёте только абсолютное военное доминирование позволит успешно решать и другие проблемы современного мира с точки

зрения интересов глобального «добра» (т.е., по мнению неоконгов, США) – экономические, социальные, культурно-религиозные и т.д. [39].

Важность фактора готовности использовать силу против мирового «зла» доказываются неоконгами на примере поражения во Вьетнаме, когда враги внутри США подрывали решимость американцев использовать силу, а также «мюнхенского сговора», когда нельзя было медлить с ударом по «силам зла». Таким образом, превентивное применение силы рассматривается как приемлемая в такой борьбе методика, а в качестве успешного примера называется «доктрина Буша». Любые дискуссии и сомнения в отношении приоритета моральности внешней политики характеризуются ими как слабость и пораженчество.

В отличие от консерваторов, неоконги в борьбе с мировым «злом» полагают необходимым активно вмешиваться во внутренние дела других стран для того, чтобы подрывными методами добиваться там «свободы и демократии», поскольку только родственные демократические страны могут поддержать американское глобальное доминирование. В то же время традиционная дипломатия талейрановского типа, прагматически взвешивающая плюсы и минусы каждого шага на международной арене, ими презирается как несовместимая с моральным характером современной схватки за мировое господство.

Наконец, в борьбе за «глобальный унилатерализм» неоконги отрицают необходимость опоры на международные многосторонние институты, где со «злом» приходится договариваться и искать компромиссы. С большой долей скептицизма они относятся и к международным соглашениям, которые можно использовать лишь в качестве промежуточного инструмента.

Неоконги настойчиво критикуют администрацию Обамы за многие «недоработки». Так, они недовольны тем, что президент не демонстрирует волю к лидерству в процессе консолидации евроатлантического сообщества. Они возмущены сокращением оборонного бюджета, утверждая, что тем самым Обама нарушает конституцию, которая требует от правительства обеспечить безопасность США (выделяемых денег хватает только на поддержание армии, но не на её модернизацию). Осуждению подвергается непоследовательность в борьбе за демократию – игнорирование нарушений прав человека, поддержка некоторых диктаторских режимов, которые якобы полезны в борьбе с террором, а также недостаточно активное разоблачение авторитарных правительств. Неоконги требуют разрешения продавать за границу американские углеводороды, настаивают на более активном завершении ТТП и ТПТИ, что будет способствовать укреплению экономического могущества США [38; 5].

Что касается отношения неоконгов к России, то в период, когда они занимали ведущие позиции в администрации Дж. Буша-м.л., они не возражали против «стратегического союза» с Москвой, ибо её компромиссная позиция не препятствовала укреплению пестуемого ими глобального доминирования Вашингтона (в 2001–2002 гг. Кремль был согласен на базы США в Центральной Азии, на превентивные удары по террористам, не достаточно активно возражал против расширения НАТО, выхода из ПРО, строительства трубопроводов в обход России и т.д.).

Однако после начала третьего президентского срока В. Путина неоконные стали рассматривать РФ как враждебное государство, проводящее политику, угрожающую сохранению «Пакс американа». Они настаивают, что Россия Путина встала на путь экспансионизма, о чём свидетельствуют «аннексия» Крыма, вторжение на юго-восток Украины, запугивание прибалтийских государств, стремление усилить своё влияние на такие проблемные страны, как Греция, Венгрия, Чехия, Словакия. Налицо желание РФ пересмотреть постбиполярное устройство Европы, что угрожает системе региональной безопасности [5].

Анализируя причины «такой наглости» России, неоконные указывают, что Вашингтон и Брюссель, после успеха расширения НАТО и ЕС в 1990-х годах, переоценили зрелость демократических институтов в странах Центральной и Восточной Европы и дважды снижали внимание к ним – сначала в рамках «войны с террором» Дж. Буша-мл., а затем в период Обамы, который перенес фокус внешней политики США на противостояние с Китаем в Азии. В результате, в регионе образовались вакуумы, устоять перед соблазном вторжения в которые Кремль просто не смог. Его цель заключается в том, чтобы разделить Европу на сферы влияния, показать всем, что НАТО и ЕС – это беззубые и устаревшие структуры, не отвечающие духу времени.

Исходя из сложившейся ситуации, неоконные требуют прекратить спонтанно реагировать на российскую агрессию и разработать чёткую **стратегию**, следуя которой Запад сохранит Европу свободной, демократической, неделимой. Во-первых, необходимо использовать всю возможную «мягкую силу» для максимально быстрого достижения согласия между Вашингтоном и Брюсселем по проекту ТПТИ, что обеспечит укрепление атлантического сообщества. Во-вторых, надо согласовать основы информационной политики в ответ на очень успешную пропагандистскую кампанию дезинформации, которую проводит Москва. В основе её должно лежать разоблачение «коррупционного клептократического режима», что позволило бы апеллировать к чувству национального самосохранения русских, т.е. разыграть националистическую карту против самого Кремля. В-третьих, укрепить «жесткую силу», что подразумевает максимально возможные вооружение и военную подготовку союзников в Восточной Европе. В-четвёртых, модернизировать «пункт 5» устава НАТО – нападением должны считаться и кибератаки, и появление «зелёных человечков». В-пятых, активизировать дипломатические усилия с целью не допустить ослабления европейских санкций и активнее продвигать политику энергетической диверсификации Европы [38].

Но самым важным итогом этой политики должно стать сплочение НАТО, возвращение американских войск в Европу и финансовая дисциплина членов, чтобы снизить, наконец, американскую долю с 73% бюджета организации до, хотя бы, 50%.

Неоконные полагают, что, хотя администрация Обамы вместе с руководством ЕС и использовала санкции против многих российских политиков, корпораций и банков, они не нанесли большого ущерба российской экономике – существенное снижение ВВП и девальвация рубля вызваны в основном падением цен на нефть. Поэтому необходимо предпринять более серьёзные шаги для сдер-

живания России, например, уговорив ЕС отключить банки РФ от системы *SWIFT* – в этом случае, по словам бывшего министра финансов А. Кудрина, ВВП РФ может обрушиться на 5%. Кроме того, неокконы требуют снять законодательные барьеры для американского экспорта углеводородов в Европу, что должно снизить угрозу зависимости Европы от российских энергопоставок. Наконец, по их мнению, необходимо активизировать поддержку демократических сил внутри России, от чего администрация практически отказалась.

По мнению представителей неоконсервативного направления, «агрессия России против демократической Украины», которая проявляется в аннексии Крыма и прямой массовой военной поддержке сепаратистов Юго-востока, можно расценивать как типичный случай «нападения на друзей США», войны «добра» и «зла». Цель России – подорвать украинский суверенитет и получить право вето на внешнюю политику Киева [2].

Предоставляемая Украине западная финансовая помощь вряд ли поможет этой стране выйти из глубокой рецессии в условиях ведения там боевых действий. Несколько раундов экономических санкций против РФ большого результата не принесли, и даже более радикальные шаги (типа отключения от *SWIFT*) вряд ли остановят Москву на Украине. Таким образом, военная победа Киева на Юго-востоке стала бы главным условием общей стабилизации в этой стране.

Поскольку Россия поставляет сепаратистам самое современное передовое оружие (о чём свидетельствует, например, сбитый МН-17), то, по мнению неоконцов, обеспечить победу Киева можно только передав ВСУ аналогичное современное боевое вооружение. Президент Обама сопротивляется давлению двухпартийного большинства в Конгрессе, которое требует таких поставок, считая, что это будет подталкивать Россию к эскалации агрессии. Однако эскалация всё равно имеет место, несмотря на сдержанность администрации [37; 39].

В целом, неокконы считают, что кризис на Украине (как и угрозы европейцам со стороны России и ИГИЛ) создаёт благоприятные условия для укрепления трансатлантической солидарности.

Таким образом, наличие нескольких моделей российской политики США, сформулированных в последнее время представителями разных групп интересов, представляет собой достаточно разнообразное «меню» вариантов, из которого будущий президент в идеале сможет выбрать для себя наиболее подходящий.

Так, внутри Демократической партии *неолибералы* предлагают изменить баланс «кнута-пряника» в пользу принуждения России к созданию внутренних условий для возвращения на рельсы вестернизации и глобализации; представители *прогрессистов* говорят о том, что активизация сотрудничества с Москвой по проблемам «новых вызовов» может развернуть её в сторону Запада без дополнительных мер давления; *консервативные демократы* считают, что только «геополитический плюрализм» постсоветского окружения вынудит русских вернуться к либерально-демократическим реформам. Республиканская фракция *реалистов* надеется на меры лёгкой терапии для восстановления уважения Кремля к постбиполярным порядкам; *консерваторы* предлагают

комплексную стратегию «ограничения» для быстрого разложения враждебного авторитарного режима в Москве; *неоконсерваторы* считают необходимым противостоять российской внешней экспансии путём консолидации и военного укрепления европейского блока.

Однако, учитывая особенности функционирования американского механизма принятия решений, можно с уверенностью сказать, что будущему президенту придётся сочетать предложенные «блюда» в самых различных видах и соотношениях. Конкретные же пропорции того, что окажется на «столе» мировой политики, будут зависеть не только от партийной принадлежности нового главы Белого дома, но и от окончательного перераспределения мест в Конгрессе.

Список литературы

1. *Arin K.* The Impact of Neoconservative Think Tanks on American Foreign Policy. 26.05. 2014. Available at: <http://www.e-ir.info/2014/05/26/the-impact-of-neoconservative-think-tanks-on-american-foreign-policy/> (accessed 15.08.2016).
2. *Aron L.* Putinology // The American Interest. 30.07 2015. Available at: <http://www.the-american-interest.com/2015/07/30/putinology/> (accessed 11.08.2016).
3. *Aslund A.* Putin Gets It Wrong Again: Eurasian Economic Union Hurts Russia. 1.02. 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/putin-gets-it-wrong-again-eurasian-economic-union-hurts-russia> (accessed 14.08.2016).
4. *Bernie Sanders on Foreign Policy* // On the Issue. Available at: http://www.ontheissues.org/2016/Bernie_Sanders_Foreign_Policy.htm (accessed 10.08.2016).
5. *Bolton J.* The Putin Challenge. A Sobering Assessment of Post-Soviet Russia // The Weekly Standard. 13.01. 2016. Available at: <https://www.aei.org/publication/the-putin-challenge/> (accessed 14.08.2016).
6. *Brzezinski on Russia: «We Are Already In a Cold War».* An Interview by Sebastian Fischer and Holger Stark. 2.07.2015. Available at: <http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-zbigniew-brzezinski-on-russia-and-ukraine-a-1041795.html> (accessed 15.08.2016).
7. *Brzezinski Z.* The Premature Partnership // Foreign Affairs. Vol. 73 Issue 2 (March/April 1994). P. 67-83.
8. *Brzezinski: «We Must Guarantee to the Russians That ... Ukraine Would Not Seek To Join NATO».* 10.03. 2015. Available at: <http://www.washingtonsblog.com/2015/03/brzezinski.html> (accessed 11.08.2016).
9. *Carafano J.* Countering, not Cooperating with Putin, should be order of the day. 1.10. 2015. Available at: <http://www.heritage.org/research/commentary/2015/10/countering-not-cooperating-with-putin-should-be-order-of-the-day> (accessed 19.08.2016).
10. *Carafano J., and Gardiner N.* How the Next President Should Deal with Russia. 9.04. 2015. Available at:

<http://www.heritage.org/research/commentary/2015/4/how-the-next-president-should-deal-with-russia> (accessed 12.08.2016).

11. *Coffey L., and Gardiner N.* The United States Must Be Ready to Send Weapons to Ukraine. Issue Brief #4346 on International Conflicts. 12.02. 2015. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/02/the-united-states-must-be-ready-to-send-weapons-to-ukraine> (accessed 14.08.2016).

12. *Curry B.* We can stop the neo-cons: Here's what a truly progressive foreign policy would look like. 15.02. 2015. Available at: http://www.salon.com/2015/02/15/we_can_stop_the_neo_cons_heres_what_a_truly_progressive_foreign_policy_would_look_like/ (accessed 15.08.2016).

13. *Dews F.* Strobe Talbott on Russia's Vladimir Putin and Contempt of the West. 14.01. 2015. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/brookings-now/posts/2015/01/strobe-talbott-on-russia-vladimir-putin-contempt-of-the-west> (accessed 10.08.2016).

14. *Dodge M.* Russian Intermediate-Range Nuclear Forces: What They Mean for the United States. Backgrounder #3028 on Arms Control and Nonproliferation. 30.07. 2015. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/07/russian-intermediate-range-nuclear-forces-what-they-mean-for-the-united-states> (accessed 15.08.2016).

15. *Farkas E.* Raising the Price for Putin. 16.02. 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/raising-the-price-for-putin> (accessed 11.08.2016).

16. Fiona Hill testified before the U.S. House of Representatives Armed Services Committee on Russia's foreign policy and security challenges to the United States and its Western allies. 10.02. 2016. Understanding and deterring Russia: U.S. policies and strategies. Available at: <https://www.brookings.edu/testimonies/understanding-and-deterring-russia-u-s-policies-and-strategies/> (accessed 16.08.2016).

17. *Francis D.* Putin Corners Himself in Ukraine. We Would Be Crazy to Placate Him Now. 5.02. 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/putin-corners-himself-in-ukraine-we-would-be-crazy-to-placate-him-now> (accessed 12.08.2016).

18. Global Challenges and the U.S. National Security Strategy. U.S. Senate Committee on Armed Services. 29.01.2015. Available at: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/15-10-22-global-challenges-us-national-security-strategy-and-defense-organization>; <http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/15-05%20-%201-29-15.pdf> (accessed 11.08.2016).

19. Global System on the Brink: Pathways Toward a New Normal. Joint Study by the Atlantic Council's Strategic Foresight Initiative and the Russian Primakov Institute of World Economy and International Relations. January 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/reports/the-global-system-on-the-brink-pathways-toward-a-new-normal> (accessed 13.08.2016).

20. *Herbs J.* How to Reverse Putin's Damage in Syria. 16.02. 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-to-reverse-putin-s-damage-in-syria> (accessed 10.08.2016).

21. House Committee on International Relations Holds Hearing to Receive Testimony from the Secretary of State. Government of the United States. 21.04. 1999. Washington, D.C., 1999.
22. *Ickes B. and Gaddy C.* Can Sanctions Stop Putin? J3.06. 2014. Brookings Institution. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/can-sanctions-stop-putin/> (accessed 15.08.2016).
23. *Jones J.* Americans Increasingly See Russia as Threat, Top U.S. Enemy // Gallup. 16.02. 2015. Available at: http://www.gallup.com/poll/181568/americans-increasingly-russia-threat-top-enemy.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (accessed 17.08.2016).
24. *Kalb M.* Imperial Gamble. Putin, Ukraine, and the New Cold War. The Brookings Institution Press, 2015, 230 p. Available at: <https://www.brookings.edu/events/putins-crimean-gamble-russia-ukraine-and-the-new-cold-war/> (accessed 15.08.2016).
25. *Kapur S.* The Four Major Foreign Policy Factions On Syria. 3.09. 2013. Available at: <http://talkingpointsmemo.com/dc/the-four-major-foreign-policy-factions-on-syria> (accessed 13.08.2016).
26. *Kuchins A.* Crimea One Year On: Where Does Russia Go Now? 18.03. 2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/crimea-one-year-where-does-russia-go-now> (accessed 11.08.2016).
27. *Kumar Sen A.* US' Syria Policy 'Paralyzed' by Rhetoric that Assad Must Go, Says Hagel. 13.01. 2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/us-syria-policy-paralyzed-by-rhetoric-that-assad-must-go-says-hagel> (accessed 15.08.2016).
28. *Mankoff J.* U.S. Trainers to Ukraine. 21.04. 2015 Available at: <https://www.csis.org/analysis/us-trainers-ukraine> (accessed 15.08.2016).
29. *Mankoff J., and Kuchins A.* Russia, Ukraine, and U.S. Policy Options: A Briefing Memo. 29.01. 2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/russia-ukraine-and-us-policy-options> (accessed 11.08.2016).
30. *Oliker O.* Ukraine's Success - or Failure - is Up to Ukraine. 8.12.2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/ukraines-success-or-failure-ukraine> (accessed 14.08.2016).
31. *Oliker O.* Unpacking Russia's New National Security Strategy. 7.01. 2016. Available at: <https://www.csis.org/analysis/unpacking-russias-new-national-security-strategy> (accessed 10.08.2016).
32. *Phillips J.* Obama Administration Once Again Concedes to Putin in Syria. 12.02. 2016. Available at: <http://dailysignal.com/2016/02/12/obama-administration-once-again-concedes-to-putin-in-syria/> (accessed 15.08.2016).
33. *Pifer S.* George W. Bush Was Tough on Russia? Give Me a Break. 24.03. 2014. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/george-w-bush-was-tough-on-russia-give-me-a-break/> (accessed 17.08.2016).
34. *Pifer S.* Testimony Senate Foreign Relations Committee. 5.06. 2014. Ukraine, Russia and the U.S. Policy Response. Available at: <https://www.brookings.edu/testimonies/ukraine-russia-and-the-u-s-policy-response> (accessed 17.08.2016).

35. *Pifer S., Herbst J. and Taylor W.* Does Putin Want a War? 24.04.2014. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/does-putin-want-war-10305> (accessed 16.08.2016).
36. *Ramirez C.* Obama's Neoliberal Foreign Policy in a Neoliberal World. Available at: <http://www.ia-forum.org/Content/ViewInternalDocument.cfm?ContentID=8401> (accessed 15.08.2016).
37. *Rubin M.* Bomb Assad; arm Ukraine // Commentary. 2.10. 2015. Available at: <https://www.commentarymagazine.com/foreign-policy/europe/russia/bomb-assad-arm-ukraine/> (accessed 15.08.2016).
38. *Schmitt G., Gedmin J.* How to end Putinism // The Weekly Standard. 7.08. 2015. Available at: <https://www.aei.org/publication/how-to-end-putinism/> (accessed 10.08.2016).
39. *Schmitt G., Gedmin J.* Why winning in Ukraine matters // The Weekly Standard. 18.12. 2015. Available at: <http://www.weeklystandard.com/why-winning-in-ukraine-matters/article/2000289> (accessed 15.08.2016).
40. *Schneider M.* Nuclear Deterrence in the Context of the European Security Crisis and Beyond. Lecture #1266 on Russia. 21.12.2015. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/12/nuclear-deterrence-in-the-context-of-the-european-security-crisis-and-beyond> (accessed 15.08.2016).
41. Solutions 2016: Russia // Heritage Foundation. Available at: <http://solutions.heritage.org/geopolitics-flash-points/russia/> (accessed 11.08.2016).
42. Solutions for America: A Conservative Foreign Policy. 17.08.2010. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2010/08/a-conservative-foreign-policy> (accessed 10.08.2016).
43. *Stent A.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the 21st Century. Princeton University Press. Princeton, 2014, 412 p. Available at: <https://www.brookings.edu/events/u-s-russian-relations-in-the-21st-century/> (accessed 13.08.2016).
44. U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. Special Report #173 on Russia and Eurasia. 9.12.2015. Heritage Foundation. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/12/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (accessed 15.08.2016).
45. *Umland A.* Putin's Fragile Popularity. 4.01.2016. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/putin-s-fragile-popularity> (accessed 12.08.2016).
46. *Wilson W.* Russia's Economy: What Do the Numbers Tell Us? 17.11.2015. Available at: <http://www.heritage.org/research/commentary/2015/11/russias-economy-what-do-the-numbers-tell-us> (accessed 17.08.2016).

U.S.-Russian Relations: “Menu” for a New President

(USA ❖ Canada Journal, 2016, No 12, p. 3-29)

Received 22.08.2016.

SHENIN Sergei Yurjevich, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012 Russian Federation (shenins@yahoo.com).

The article analyses general foreign policy approaches of various interest groups in the Democratic and Republican parties, as well as their attitudes toward the most important aspects of the U.S.-Russian Relations in the context of the 2016 elections in the United States.

Keywords: *U.S.-Russian Relations, Democratic party, Republican party, neoliberals, progressives, conservative democrats, “wary” realists, conservative realists, neo-conservatives.*

About the author:

SHENIN Sergei Yurjevich, Doctor of Sciences (History), Professor.